

Глава 1

ДВОЙНИК

1

Последний отрог Хэнтейской гряды, Богдо-ул несколькими могучими кряжами окружает Улан-Батор с юга. Гора считается священной, на ней издавна запрещалось охотиться, рубить лес и ставить юрты, но полвека назад при входе в одно из ущелий хозяйственное управление ЦК МНРП построило спецгостиницу «Нюхт». По-монгольски это значит «звериная нора», «логово». Когда-то сюда привозили делегатов партийных съездов, участников международных конференций и закрытых совещаний, а теперь пускали всех желающих. Осенью 2004 года Шубин с женой снимали здесь номер. До центра города было восемь километров и четыре тысячи тугриков на такси. Тысяча тугриков составляла чуть меньше доллара.

Номера отремонтировали в расчете на туристов, но коридоры и холлы хранили дух минувшей эпохи. Зеленые, с интернациональным орнаментом на темно-красной кайме, ковровые дорожки лежали на этажах, ресторан украшала настенная чеканка с изображением верблюдов, лошадей, коров и овец в комплекте со всем тем, что кочевое животноводство может дать человеку

при социализме. Пейзаж за окнами вряд ли сильно изменился со времен Чингисхана.

Стоял сентябрь, в прозрачном воздухе нагорья гребень Богдо-ула отчетливо рисовался на фоне холодного ясного неба. Снизу Шубин мог различить на нем силуэт каждого дерева. На склонах, среди темной зелени хвойных причудливыми желто-красными разводами выделялись участки еще не облетевшего осинника. Березовая чепора у подножия была буро-желтой. Бумажный шум увядшей листвы и ровный звон травяных дудок, в которых высохли все соки, явственно слышались при слабом ветре. Если задувало сильнее, все заглушал протяжный мощный гул, идущий по вершинам кедров и сосен.

Туристский сезон заканчивался, в «Нюхте» жили только десятка полтора молодых монголов и монголок, по трое в двухместных номерах. При них состояли двое норвежских, как жене сказали на рецепции, миссионеров с профессионально улыбчивыми лицами и легкой походкой здоровых мужчин, привыкших быть на людях. Шубин отметил евангельскую простоту их трикотажных свитеров и линялых джинсов. Они обращали туземцев в лоно какой-то протестантской церкви. Днем в конференц-зале проходили семинары, а вечерами в дощатом павильоне ближе к ущелью дымила жестяная печка, норвежцы со своими учениками собирались на барбекю, жарили колбаски, надували воздушные шарики и пели по-английски. Под крышей, в гирляндах искусственного плюща, горели разноцветные лампочки. Женщины крутили хулахуп, мужчины хлопали в ладоши. Все было очень прилично. Настоящая ночная жизнь с водкой и шастаньем из номера в номер начиналась потом, когда пастыри засыпали.

На третий день вечерние развлечения в павильоне затянулись за полночь, а наутро Шубин с женой остались в гостинице одни. Норвежцы с рассветом отбыли в аэропорт, монголы после завтрака уехали в город. Официантка сказала, что каждый напоследок получил пакет с фирменной майкой и какой-то конвертик. По ее мнению, в нем находилась энная сумма в долларах, но от горничной жена узнала, что там лежал всего лишь талон с правом на скидку в одном из столичных пивбаров. После захода солнца он превращался в ночной клуб, где голые девушки танцевали рядом с позолоченной статуей Сталина. Двадцать лет назад, когда Шубин приезжал сюда собирать материалы для диссертации о работавших в Халхе русских эпидемиологах, эта статуя стояла у входа в Республиканскую библиотеку. В ночной клуб ее занесло волной недавних событий. Здесь она лишилась пьедестала, зато заново была покрыта жирной бронзовой краской.

Из окна Шубин видел, как новообращенные шумной компанией садились в автобус. Все выглядели довольными, главным призом стал для них бесплатный отдых с трехразовым питанием в очень недурном ресторане и практикой в разговорном английском. Перед отъездом они цинично избавились от оставленной им для самоподготовки специальной литературы. Ею были забиты все гостиничные урны. Из одной Шубин выудил распечатанное на принтере пособие по экзорцизму, настолько политкорректное по отношению к нечистой силе, что не понятно было, зачем вообще нужно с ней бороться. Текст сопровождался схемами с изображением различных состояний души. В разрезе она выглядела как ряд концентрических кругов, разбитых на сектора и сегменты и по-разному заштрихованных в зависимости от степени поражения их бесами.

В конце каждой главы авторы приводили случаи из собственной практики в странах Юго-Восточной Азии. Все истории были адаптированы к местным условиям и напоминали сказки для умственно отсталых детей. Начинались они как английские лимерики: «Одна юная леди в Гонконге...», «Один бизнесмен в Шанхае...», «Дочь одного владельца отеля в Таиланде...». Эти люди тяжело страдали недугами неизвестной этиологии, пока с помощью авторов брошюры у них не открывались глаза на то, что причиной болезни являются демоны, наивно почитаемые ими как духи предков или божества буддийского пантеона. Рассадником заразы часто служили домашние алтари, но физическое уничтожение идолов не рекомендовалось. Достаточно было просто отвернуться от них, чтобы они потеряли свою вредоносную силу.

Скоро Шубин с женой на пару дней уехали из Улан-Батора, а по возвращении застали в «Нюхте» другой семинар. Его проводили корейцы в строгих черных костюмах. Жена приняла их за мунистов, а они оказались правоверными католиками. Паству составляли монголы на вид победнее и постарше, чем у норвежцев, но среди них Шубин с удивлением узнал одного из членов предыдущей партии, молодого мужчину с хорошо вылепленным подвижным лицом. За ужином в ресторане он тоже пару раз посмотрел на Шубина и позже, когда тот курил на крыльце, заговорил с ним по-русски.

Его звали Баатар, за плечами у него был пединститут в Донецке. Сейчас он зарабатывал тем, что летом возил по стране туристов, а зимой работал в мастерской по ремонту холодильников. Мясо здесь поставляют столичным жителям степная родня, в городской квартире его нужно как-то хранить, и местные мастера давно научились превращать импортные холодильники-

ки в сплошные морозильные камеры. Баатар был из этих умельцев.

— Семья у меня небольшая, жена и дочь. Питаемся рационально, едим овощи, — сказал он не без гордости за свой западный менталитет. — За зиму съедаем только трех овец, бычка и лошадь.

Подошли к вопросу о том, зачем Шубин приехал в Монголию. Тайны тут никакой не было, его командировал сюда один богатый туристический журнал, способный позволить себе имиджевый материал о прекрасной нищей стране, куда никто не хочет ездить в отпуск. Ему оплатили билеты и гостиницу, а жену он взял с собой за свой счет.

Выслушав, Баатар вежливо покивал, но, чувствовалось, не поверил. Должно быть, он счел это легендой прикрытия, маскирующей дела гораздо более серьезные. Времена изменились, люди из Москвы приезжали теперь в Улан-Батор с единственной целью — продать что-нибудь из того, что они же раньше привозили сюда бесплатно или в обмен на то, чего у самих было вдоволь. В благодарность их накачивали водкой, снабжали бараниной для семейства, услаждали народными танцами и горловым пением. Все это стало такой же архаикой, как значки и открытки времен Цеденбала, которыми нищие старики соблазняли туристов на площади Сухэ-Батора. За все нужно было платить, но понятие о твердых ценах плохо приживалось в стране, где тезис о том, что мягкому суждено жить, а твердому — умереть, впитывается с молоком матери. Это был мир ярких красок, четких линий и туманных деловых отношений с опорой на обман и взаимное доверие.

Баатар стал нащупывать подходы к этой волнующей теме. Обсудили сравнительные цены на продукты,

стоимость железнодорожных билетов, нравы таможенников. Ему явно хотелось выяснить, не найдутся ли у них с Шубиным обоюдовыгодные интересы, но предпосылки для такого разговора еще не созрели. Тема требовала повышенной деликатности, поэтому начал он издалека:

— У меня много знакомых бизнесменов, зовут к себе в дело, но я не иду. Хочу работать с русскими или с немцами. Наши — все жулики.

— У вас тут полно китайских фирм, — сказал Шубин. — Китайцы тоже жулики?

— Нет, но с ними опасно. Что-нибудь не так сделаешь, могут убить.

— А монголы не могут?

— Редко бывает. Мы — мирный народ.

Ветер утих, даже карликовые березки не шелестели своей невесомой листвой. Лишь от входа в ущелье доносился слабеющий звон сухой травы. Там проходил последний арьергард утренней бури. Карагана, горный чий и окостеневший от утренних заморозков дудник звучали в унисон. Темная громада Богдо-ула оставалась безмолвной. Восемь столетий назад в его чащобах и норах прятался от меркитов юный Темучин.

— Как же у вас Чингисхан-то появился? — спросил Шубин.

— Тогда убивать можно было, а воровать нельзя. Теперь мы все буддисты, — объяснил Баатар, забыв, похоже, зачем он здесь находится.

В его тоне слышалось трезвое осознание того факта, что по мере развития цивилизации падение нравственности неизбежно.

— У нас в степи, — добавил он, — люди каждую неделю скот режут, а детям кровь не показывают. Дети до семи лет крови вообще не видят.

В конце концов общий интерес все же нашелся. Шубин упомянул, что они с женой собираются в Эрдене-Дзу, и Баатар вызвался свозить их туда на своей «хонде», когда закончится семинар. Напоследок корейцы обещали слушателям подарки. Поездка стоила того, чтобы потратить на нее три дня и две ночи. Первый в Халхе буддийский монастырь, Эрдене-Дзу славился сказочной красотой, к тому же стоял на руинах Каракорума, недолговечной имперской столицы Чингисхана и Угэдэя. Шубин с юности мечтал увидеть этот мертвый город, но в советское время так до него и не добрался. Сейчас, после распада другой империи, его развалины должны были вызывать совсем иные чувства, чем тогда.

— Дешево, конечно, — согласилась жена, узнав, что за трехдневное путешествие Баатар просит всего двести тысяч тугриков, включая бензин, — но не нравится он мне. Если завтра сюда приедут ваххабиты или вудуисты с Гаити, он и к ним примажется.

— Чего ты хочешь? — вступился за него Шубин. — Бедная страна, люди выживают как могут. А он, между прочим, чингизид.

— То есть?

— Из князей. В нем есть кровь Чингисхана.

— Еще прирежет по дороге, — сказала жена, залезая в постель.

Утром, как обычно, они спустились на завтрак в ресторан. Корейцы уже сидели за столом и ели свою морковку. Монголы явились позднее. Им принесли большие порции мяса. Баатар взял свою тарелку и пересел с ней за корейский овощной стол. Никто его туда не приглашал, но скоро Шубин услышал, как он довольно бойко говорит с соседями по-английски. Две или три уловленные фразы дали представление о теме раз-

говора. Речь шла об организации следующего семинара в другом месте и на более выгодных для организаторов условиях.

— Тебе он никого не напоминает? — спросила жена.

Вопрос был рутинным, ей всюду мерещились двойники. Знаменитые актрисы обнаруживали сходство с кем-то из ее подруг или родственниц, игрушечная обезьяна и плюшевый енот, в память о детстве сына сидевшие за стеклом в серванте, смахивали на известных политиков, даже платяной шкаф вдруг оказывался похож на соседку с девятого этажа. Все на свете находилась пара, но не понятно было, является ли одна копией другого, или это две разные копии неизвестного оригинала, таинственно тяготеющего к умножению своей сущности.

Баатар сидел к ним лицом. При утреннем свете Шубин заметил, что волосы у него не иссиня-черные, как почти у всех монголов, а темно-русые. В разговоре он с умным видом морщил лоб, при этом левая бровь ползла вверх отдельно от правой. Наверняка за ним водилось умение двигать ушами и шевелить шляпу у себя на голове.

— Черно-рус, лицо продолговато, одна бровь выше другой, нижняя губа поотвисла чуть-чуть, — процитировала жена. — Если бы не разрез глаз, типаж тот же.

Шубин знал, кого она имеет в виду, но сам подумал совсем о другом человеке. Жена никогда его не видела.

Баатар почувствовал, что говорят о нем, приятельски помахал им рукой, дождался ответного приветствия и, понизив голос почти до шепота, продолжил беседу. Вероятно, он выдавал Шубина за бизнесмена из России, который имеет с ним дело как с человеком надежным, не жуликом, в отличие от большинства монголов. Такое

знакомство могло обеспечить ему дополнительный кредит у корейцев.

Это вернуло Шубина к мысли о том человеке. Его лицо всплыло в памяти так ясно, будто виделись вчера, а не одиннадцать лет назад.

Был 1993 год, март. Мраморный пол подземного перехода покрывала разъедающая ботинки талая слякоть, вдоль стен плотными шеренгами стояли лоточки. Нищие были вытеснены на фланги, лишь безногая девушка с ангельским лицом и червонно-золотой шпалерой советских значков на груди занимала свое законное место у поворота к дверям метро, откуда до нее докатывались волны теплого воздуха. Она сидела на старинной инвалидной тележке с подшипниками вместо колес, крест-накрест пристегнутая к ней двумя ремнями поверх непромокаемых штанов из черного кожзаменителя. Шубин проходил здесь почти каждый день и знал, что эта нищенка опекает музыкантов, из любви к искусству жертвуя им часть того милосердия, которое причиталось ей самой. Подопечные менялись, когда меценатше приедался их репертуар.

Сейчас рядом с ней мальчик лет десяти играл на скрипке-половинке «Мелодию» Глюка, так странно преображенную акустикой этой каменной трубы, что Шубин не сразу ее узнал. Беспокойная мама, нависая над скрипачом, поправляла на пюпитре ноты. Это, видимо, требовалось не ему, а ей, чтобы не чувствовать себя лишней. Перед ними лежал раскрытый скрипичный футляр, похожий на узкокрылую безголовую бабочку. На синем бархате подкладки врассыпную серебрилась мелочь. Ее было немного, и желто-белая сторублевая монета упала туда беззвучно. Совершенством

чеканки она искупала свою убывающую с каждым днем ценность.

Ее бросил молодой мужчина в застиранных джинсах и куртке под замшу. Шубин где-то видел его раньше, но не помнил, где и когда и точно ли его, а не кого-то похожего. Теперь на многих лицах появилась печать времени, скрывающая под собой все то, чем они различались прежде.

Взамен сторублевки мужчина выудил из футляра монетку помельче.

— Позвонить. Не возражаете?

Мама не ответила, мальчик продолжал играть с профессиональной отрешенностью уличного музыканта. Пустым взглядом, манерой держаться он напоминал слепца. Казалось, в нем ожила память о том, что человек, смычком зарабатывающий себе на хлеб, должен быть незрячим, и он бессознательно подчинялся этому древнему закону. Таких законов теперь было много. Они выплыли из тьмы столетий и опять вступили в силу с началом эры реформ.

Мужчина тоже взглянул на Шубина. Левая бровь у него поползла вверх.

— Не узнаешь? Я — Жохов, — улыбнулся он, и Шубин сразу вспомнил, где они встречались.

Это было в другой жизни. В гостях у общего приятеля случайно обнаружилось, что оба бывали в Монголии. Жохов работал там не то геологом, не то горным инженером. Слова «буддизм» и «вольфрам» на равных фигурировали в его рассказах, один из которых почему-то засел в памяти. Как-то раз он ночевал в юрте, и рано утром, когда все еще спали, а ему срочно требовалось отлить, страшно было выйти на воздух из-за бродивших вокруг юрты жутковатых монгольских собак. Будить гостеприимных хозяев Жохов

стеснялся. «Мой мочевого пузыря сжал зубы», — смеясь, говорил он. Вспомнилась даже интонация этой идиотской фразы.

Отошли в сторону, чтобы не заслонять скрипача. Мимо них двумя встречными потоками текла угрюмая московская толпа.

— На смычок, — заговорил Жохов таким тоном, будто его об этом спросили, — конский волос идет только белый, но от кобылы нельзя. У нее на хвост моча попадает, звук не тот. Нужен от жеребца. Большой дефицит по нынешним временам. Казахи как от нас отделились, всех лошадей в степь угнали. Проще из Монголии возить... Ну, я пошел, меня тут ждут наверху.

Он улыбнулся и поплыл над слякотью в своих небесно-голубых джинсах, легкий, как пух от уст Эола. На прощание его сжатый кулак в рот-фронтском приветствии взлетел вверх. Этот реликтовый жест времен детства их родителей Шубин тоже за ним помнил.

Ему нужно было на другую сторону улицы. Там все выходы из метро облепили ларьки, сбитые из панельных щитов или грубо сваренные из листового железа. В раскраске доминировали ярко-синий, оранжевый и красный, как в брачном оперении у самцов. Кругом кипела толпа, дымились мангалы шашлычников, откуда-то лихо неслась музыка. Милиционеры шныряли мимо с таким видом, что, если бы не форма, их можно было принять за карманников.

На тротуарах вереницами стояли люди с вещами, какие раньше продавались только на барахолке. Зарплаты и пенсии требовалось немедленно обратить в доступные материальные ценности, чтобы тут же их продать, на вырученные деньги что-то купить, снова продать и жить на разницу, иначе все сжирала ин-

фляция. Москва превратилась в гигантский комиссионный магазин под открытым небом. Ельцин с высокой трибуны дал отмашку свободно торговать чем угодно практически в любом месте, но не всем хватало энергии крутиться в этом колесе. На дно жизни опускались за несколько недель. Шубин еще барахтался и обострившимся зрением отличал себе подобных по жалкой штучности их товара и выражению мнимого равнодушия на лицах, которым они надеялись обмануть судьбу, когда рядом замедлял шаги кто-то из потенциальных покупателей. У него самого делалось такое лицо, если наклеивался какой-нибудь заработок.

Иногда среди нескончаемых блузочек, свитеров и кофт маняще вспыхивала импортная нержавейка, чернел японский магнитофон или кухонный комбайн сановно выходил из коробки со свитой сменных насадок и многостраничными инструкциями. Владельцы этих предметов казались Шубину богачами. У них с женой ничего такого никогда не было, а теперь уже и быть не могло. Их кот с минтая перешел на мойву, фрукты береглись для шестилетнего сына. Шубин научился стричься сам, чтобы экономить на парикмахерской. При этом соблазны множились день ото дня. Вокруг появились магазины, куда жена в своей старой кроличьей шубке не решалась заходить.

Она преподавала фортепиано в музыкальной школе, осенью ее зарплаты хватало им на неделю, сейчас — на три дня. Спасали частные ученики, но их становилось все меньше. Шубин зарабатывал копейки. Из всех его коммерческих начинаний, включая попытки издавать книги по дрессировке бойцовых собак и возить из Индии неклеименое серебро, выгорело единственное — на Измайловском рынке удалось выгодно про-

дать оставшийся от незамужней двоюродной бабки орден Ленина. Оказалось, что четырехзначный номер на его оборотной стороне свидетельствует о наличии в нем каких-то драгоценных сплавов. Бабку наградили еще до войны, в то время на расходные материалы не скупилась. Хорошо, покупатель попался честный. Сам Шубин от него все и узнал, но утаил от жены подробности сделки. В ее глазах хотелось выглядеть деловым человеком.

Один раз его окликнули:

— Эй, борода!

Зашуршала, разворачиваясь перед ним во всю красу, самошитая камуфляжная куртка. Он покачал головой. Продавец сменил зазывный тон на пророческий:

— Смотри, пожалеешь! Камуфляж входит в моду.

Впервые Шубин услышал это позапрошлым летом — от таксиста, который вез его в аэропорт и по дороге пытался толкнуть ему такие же пятнистые штаны с корявой молнией и карманами в самых бессмысленных местах. Тогда он посмеялся, а позднее не мог отделаться от чувства, что в Абхазии, Карабахе и Приднестровье тоже все начиналось с моды на камуфляж. Она возникала как первый слабый дымок еще не видимого пожара.

Ряды торговцев растянулись метров на триста от метро. Над ними висел плотный гул. Долетавшие до Шубина обрывки разговоров трактовали одну тему: что сколько стоило вчера, сколько стоит сегодня и будет стоить завтра. Вдруг вознесся одинокий женский голос:

— Нет сахара! Кооперативы весь сахар скупили!

При революциях этот продукт всегда исчезал первым, словно его вкус и цвет были несовместимы с новой жизнью.

2

Из подземного перехода Жохов поднялся на улицу. Здесь было так же слякотно, промозглая московская зима, отступая, на последнем рубеже обороны оставила только два цвета — черный и серый.

Те, кому он назначил тут встречу, еще не появились. Монетка, выуженная в скрипичном футляре, скользнула в щель таксофона, палец привычно прошелся по кнопкам набора.

— Марик, ты?.. Есть минутка?.. Мы тогда не договорились, сейчас я тебе объясню. Схема элементарная. Ты, значит, обналичиваешь им эту сумму, на разницу берем вагон сахарного песка и гоним его в Шнеерсонск... Ну, я так Свердловск называю... Потому что у Свердлова настоящая фамилия была Шнеерсон... Не знаю, мне говорили, что Свердлов — его партийный псевдоним... Чего ты взъелся? Еврейский вопрос меня вообще не интересует, спроси у Гены... Хорошо, пускай Екатеринбург. Мне там приятель устраивает бартер, просит всего три процента. Отдаем сахар, забираем эти бронежилеты... Я же тебе рассказывал! Значит, берем их и везем в Москву. Я тут выхожу на одну охранную структуру, они очень заинтересованы... Понял. Жду звонка.

Глухой торец дома, возле которого он стоял, на два метра от земли был сплошь оклеен квиточками объявлений. Одно из них привлекло его внимание. Оно извещало: «Меняю электрическую кофеварку на импортные мужские ботинки, разм. 43». Внизу нетронутой бахромой топорщились бумажные хвостики с телефонным номером. Жохов оторвал крайний, сунул его в карман и вернулся к таксофону. Посматривая по сторонам, достал еще монетку, позвонил опять.